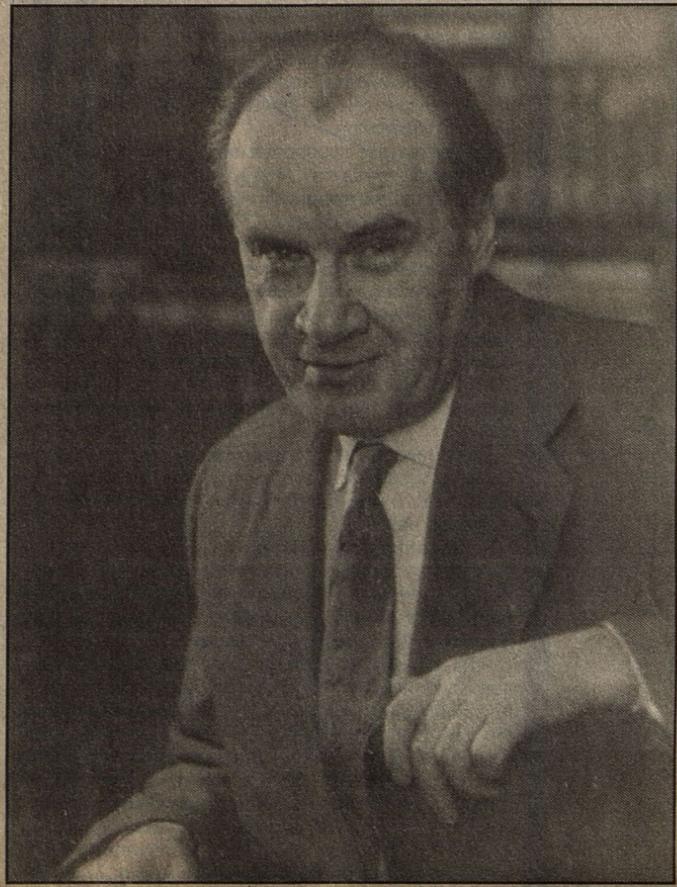

Мы — те же дети, если...

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЖИЗНИ

стана. У Вити в голове теснятся чудесные мысли. Хочется быть добрым, хорошим. А Шишкин любит на свою долгожданную четверку по русскому - достижение жизни. Надо работать, чтоб тебя уважали, надо найти свое место в мире, - как бы говорит Носов. Сквозь его юмор постоянно проступает здравомыслие, проступает глубокое чувство правды. Выслушивая мечтателей, Носов сосредоточил на себе внимание более широкой аудитории. Включающей и самих мечтателей.

Смеяться хотят все. Парадоксально, что, берясь за перо, Носов о болевых аудиториях не думал. Его занимал один-единственный читатель - сын Петя. Пете не хватало забавных детских историй.

Приземленность Носова обнажена в его литературных фельетонах. «...Яростнее, чем потребность в пище, была для нас потребность в красоте», - написал хороший поэт Евгений Вино-

ребенка. Знал, что юмор «имеет отношение не к одним крохотулькам, смешинкам, хохмочкам (...) а содержит в себе более серьезный смысл». Что это за смысл? Красота? Да, красота. Та самая, над потребностью в которой он подсмеивался. Но не только красота. Прежде всего любовь.

Писал для сына, для внука. А какую его историю ни открой, видно: любил детей. Любил детство в людях. И свое детство в себе. Вот он рекомендует «Тайну на дне колодца»: «...И если ты мальчик или девочка, не смущайся тем, что повесть моя напечатана в журнале для взрослых. Бери и читай. Ты все поймешь». И затем - на «вы»: «И если вы юноша или девушка, или совсем взрослый человек, не смотрите на то, что книга моя о ребенке. Читайте. И вы увидите, что ребенок такой же человек, как и мы с вами, а мы с вами - все те же дети, если по-прежнему различаем, что хорошо и что

или писал, или играл. Обожал сына, моего отца, обожал меня. Не знаю, кого больше. Практически не пил. Курить бросил лет в сорок. Привлекал женщин: коммуникабельный, видный. Забивал гвозди, сверлил дырки. Рисовал, лепил. Сделал что-то вроде кондиционера: в металлической коробке лампа; лампа нагревает воздух; воздух по трубе поступает от балконной двери... и т.д. Тоже игра. Очень обаятельный, жесткий. Жесткость не в том, что подавлял, а в том, что не терпел необязательности других. Очень умный. Волевой. Хитрый. Осторожный. На политические темы не говорил. Собирал материалы, готовясь написать о Ленине-ребенке. Но не написал. Коммунистом не был. Алексин жаловался, что Носов не ходит на собрания писательского кооператива. Дачу снимал: в Вострякове, в Голицыне. Связан ли его юмор с характером окружавших его в детстве украинцев? Трудно сказать. Лю-

Владимир ПРИХОДЬКО

«Вот это для детей!» - воскликнул Юрий Олеша, прочитав в 1955 году рассказы Носова. Прошли десятилетия - и популярность Носова стала всемирной. Это произошло само собой. Естественно. Стихийно. Никто не навязывал: ни власть с ее мутной и мутной идеологией, ни назойливые педагоги. Мало на свете писателей, которых малышня читает с такой охотой.

Охота пуще неволи. А почему? А откуда? Дух веет, где хочет. Лихие друганы поигрывают мускулатурой, а зауханный очкарик вдруг оказывается благородным героем: спасает обиженного бедолагу. Сальери, музыкант-трудоголик, творит, не ест, не пьет. А чем кончается? «Священный дар», «бессмертный гений» за самоотвержение не послан: «озаряет голову безумца, гуляки праздного».

Вовсе не хочу сказать, что Носов был гуляка праздный. Это характер из другого файла. Однако тоже на взгляд как бы не соответствует головокружительному успеху в литературе.

Начать с того, что Носов ничего не сочинил до тридцати лет. А первый хиленький сборник рассказов издал в том возрасте, в каком Пушкин отправился на тот свет по воле ловца чужого счастья Дантеса. И видом своим Носов напоминал не столько витию, сколько бухгалтера, мрачно-скудного служаку в захудалой конторе. У которого под локтями черные заплатки. Писателем быть не предполагал. О региональной и мировой славе не грезил. Как это вышло?

Вроде бы случайно. Николай Николаевич Носов (10/23.11.1908, Киев, - 27.7.1976, Москва) родился в семье, не чуждой искусства. Его любящий отец Николай Петрович был - если это не легенда - членом труппы-квартира «Сибирские бродяги», полуклассиком-полупевцом; выступала труппа где попало, иногда перед киносеансом (кино было немое). Об этом рассказано в автобиографической повести Носова «Тайна на дне колодца». К пронзительным страницам русской литературы принадлежит глава, посвященная матери - Варваре Петровне, эпизод с игрушкой-паровозиком, на которой она нечаянно наступила. Наступила и была поражена силой детского горя: «Небось, если бы мать умерла, не плакал бы так. Услышав это, я начинаю рыдать с удвоенной силой. Новое горе сдавило грудь. Ах, милая мамочка, зачем ты сказала такие слова! (...) Вдруг ты умрешь и я никогда-никогда не увижу свою ненаглядную».

Русскоязычная среда на Украине - городской субконтинент. Корней в почве у нее нет. Деревня балакает по-украински. Впитать с молоком матери колоритное крестьянское словцо Носову было не дано. У его однофамильца - курянина Носова Евгения - словарь пошершавее. И все же...

«Ирпень - это память о людях и лете, о воле, о бегстве из-под кабалы...» Дачное место под Киевом, воспетое Пастернаком. Здесь прошло детство Коки (в начале века «Николай» уменьшали «Кока», «Ника»). Не на даче, а в беленом зимнем домике с верандой (в Киеве жилья не было). Здесь же неподалеку Носов-подросток вкалывал на бетонном, на кирпичном производстве, увлекся фотографией. Поступил в Киев в художественный, окончил в Москве киноинститут. С 1932 по 1951 г. снимал как оператор-режиссер. Искусство? Он делал фильмы учебно-научные - на Мостехфильме, а в войну, на Воентехфильме, военнотехнические. Его вторая жена Татьяна Носова-Середина (с первой, Еленой Артемьевной Мазуренко, родившей ему сына, он расстался) вспоминала, как из Англии по ленд-лизу прибыл танк «Черчилль». Требовалось снять фильм, чтоб научить бойцов водить машину. Танк доставили на студию. Англичанин-инструктор продемонстрировал, как он работает. И уехал. Через три-четыре дня прибыл танкист для съемок. Увы, «Черчилль» не повиновался нашему танкисту. Не желал маневрировать. Площадка во дворе оказалась перепачканной. Танкист психовал, бранил союзников по матушке. Тогда Носов вежливо попросил танкиста: можно посидеть с вами рядом? Тот что-то буркнул. Носов всматривался в устройство рычагов, в действия водителя, и вскоре обнаружил ошибку танкиста. И грузный «Черчилль» превратился в грациозного лебедя. Студийцы зааплодировали. Танкист не мог поверить, что перед ним техник-любитель. За фильм «Планетарные трансмиссии в танках» в 1943-м Носов получил Красную Звезду. Опыт неромантической работы на кинофабрике не пропал зря. Его можно углядеть в рассказах, сказках.

Есть писатели, которых детвора (значительная часть) обожает за веру в неограниченные возможности личности, за полет. Некоторые из витающих в облаках остаются там до старости лет. Другие читатели-мечтатели вовремя спускаются на землю.

Небесной тверди Носов предпочитал земную. Это не значит, что у его героев нет порывов. Витя Малеев и Костя Шишкин идут из школы. Весенний ветер словно примчался с юга, из широких степей Казах-

куров. Носов иронически комментирует: «Если бы поэт остался на денек без пищи, он сразу узнал бы, что яростнее - потребность в пище или потребность в красоте (...) изучаемые нами поэты на голодный желудок стихов не пишут, а вот на сытый желудок фантазия у них работает гораздо яростнее, чем полагается». Можно спорить...

И еще одна особенность Носова. Издавать книги он начал во второй половине 40-х. «Витю Малеева» написал на рубеже 50-х. Будучи в стороне от литературской тусовки, получил Сталинскую премию в 1952 году. Паршивое время. Детские писатели с 20-х годов без устали клялись в верности социалистическим идеалам. Не случайно талантливый Гайдар Борис Ямпольский назвал «лакировщиком номер один». Недавно я составлял сборник: русский детский рассказ XX века. Перебрал книги Кассиля. Найти рассказ без фальшивой риторики затруднительно. У Носова она чисто отсутствует. Как будто не было никаких ждановых и суслыхов, никаких парткомов, никакого гнета.

Даже в числе умных книг попадаются скучные. Поэт Дельвиг сосрился про одного автора: «Ты усыпитель - я зеватель». Среди читателей Носова зевателей нет! Особый мир, неповторимый характер. Носов соединил тонкую впечатлительность с основательностью, дотошностью, а блистательное умение шутить с интересом к душевной жизни

плохо, где добро и где зло, и способны радоваться и цветку в поле, и птице в небе».

Обратите внимание, как написано: «Флейта была яркая, нарядная и сверкала со всех сторон, как новогодняя елка». Не раз мелькает эта новогодняя елка в его прозе, придавая праздничности.

И все же в его любви есть тайна, как есть слово «тайна» в названии повести о самом себе. Он любил смех, но не смеялся над маленьким, слабым. В школе старался разглядеть отстающего ученика и говорил: «Разве плохой ученик - это плохой человек?». Хотел, «чтобы по пути следования каждого родителя домой с работы попадался минимум один игрушечный магазин».

Дети увидели масштаб этой любви. Они ответили Носову такой же любовью. А взрослые? Еще раз престижной госпремии он был удостоен за трилогию о Незнайке в 1969 году. На доме по Красноармейской улице, где жил с 1968 года, нет мемориальной доски. Не правда ли, странно?..

Живет здесь теперь его внук: Игорь Петрович Носов. Как и Петр Носов, сын писателя, - фотокорреспондент в ИТАР-ТАСС. Необычайно симпатичный. Поджарый, рост 180, сантиметров на десять выше деда. Жил с ним до семи лет. Из общения возникла «Повесть о моем друге Игоре». Рассказывает:

«От деда у меня два главных впечатления. 1) Всегда был занят. 2) Всегда со мной играл.

бл Гоголя. Не терпел Достоевского, тот угнетал его своей мрачностью. О его родителях от него ничего не слышал. Ни о жизни до революции, ни после. Это относилось к тому, о чем дед помалкивал. Почему, неясно. Любил покупать мне игрушки. Помню, как мы ездили в «Лейпциг», еще старый, на Ленинском. Он купил немецкие машинки. Сам любил с ними играть. А теперь у меня девятилетний сын Иван, моя мать говорит: «Ты редко покупаешь игрушки, напрасно пытаешься быть строгим, чтоб его «не развратить», ты делаешь ошибку», и вот не далее как вчера мы заехали за игрушкой и на деньги, что бабушка дала, купили, что он хотел. Послед-ние два года дед не выходил из дома, не гулял. Лечили желудок, а болело сердце. Я поехал на рыбалку с дядьями, наловили карасей, сделали уху. Привезли ему. Мы вместе ели. Он ел с аппетитом. Казалось, что выздоровел. А через два дня на дачу приехала сестра его жены Тамара. Сказала: умер дедушка. Ночью. Во сне. Я это услышал, было хорошее утро, так не вязалось. Мне было четырнадцать лет. Его архив хранится у отца, у меня. Неопубликованного мало. Книжки выходят. Он продолжает нас подкармливать. Мы не жадничаем, не рвемся получить от издателей большие гонорары.

Дети увидели масштаб этой любви. Они ответили Носову такой же любовью. А взрослые? Еще раз престижной госпремии он был удостоен за трилогию о Незнайке в 1969 году. На доме по Красноармейской улице, где жил с 1968 года, нет мемориальной доски. Не правда ли, странно?..

Живет здесь теперь его внук: Игорь Петрович Носов. Как и Петр Носов, сын писателя, - фотокорреспондент в ИТАР-ТАСС. Необычайно симпатичный. Поджарый, рост 180, сантиметров на десять выше деда. Жил с ним до семи лет. Из общения возникла «Повесть о моем друге Игоре». Рассказывает:

«От деда у меня два главных впечатления. 1) Всегда был занят. 2) Всегда со мной играл.

Носов Николай

25.11.98

